

Юрий Слободкин

КАТЫНЬ

Как и почему гитлеровцы расстреляли польских офицеров

Накануне празднования 60-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне против победителей готовится^[1] грандиозная провокация. Она испоганит и извращает в геббельсовском дерьме День Победы и победителей и все наше нелегкое героическое прошлое. Начало этой провокации было положено фальсификацией немцами и «лондонскими поляками» в 1943 году так называемого «катынского дела». «Катынская карта» гитлеровцев при активном пособничестве польского эмигрантского правительства в Лондоне, возглавлявшегося генералом Сикорским, способствовала затягиванию открытия второго фронта и окончательного разгрома европейского фашизма. В 70–80 годы прошлого столетия пропагандистская акция Гитлера и Геббельса была реанимирована определенными польскими силами и немцами через своих «агентов влияния» в СССР.

Доказательством того, что гнусная коричневая блевотина будет извергнута нынешней российской властью и ее польскими сообщниками накануне Дня Победы, чтобы унижить и «размазать» народ-победитель и обелить побежденных фашистов, служит публикация в «Комсомольской правде» за 29 сентября 2004 года под более чем симптоматичным заголовком «Россия раскроет тайну катынского леса» (у русских принято писать «катынского», то есть без мягкого знака и без польского акцента). Еще более многозначителен подзаголовок упомянутой публикации — «Об этом договорились вчера в Кремле президенты Путин и Квасьневский». Никаких сомнений в сути договоренностей президентов не оставляет абзац: «И еще один примечательный итог встречи. После ее окончания президент Польши сообщил журналистам сенсационное известие: „Мы получили информацию о том, что 21 сентября было завершено следствие по Катыньскому расстрелу. После снятия грифа секретности документы могут быть переданы Институту национальной памяти... Такое обещание мы получили“. Поведение и слова Квасьневского подтверждают какие выводы по результатам своего расследования сделала „российско-польско-немецкая“ сторона: в расстреле польских офицеров под Катынью виновны Сталин, Берия и „войска НКВД“, а Гитлер, Геббельс, Гиммлер и их подручные оклеветаны „сталинским режимом“ и подлежат реабилитации.

В общих чертах провокационная версия Геббельса и тех, кто ее поддерживает сегодня, преподносится так. Германским властям о расстреле поляков под Смоленском стало известно ещё 2 августа 1941 года из показаний некоего Меркулова, оказавшегося в немецком плену, но они эти показания не проверяли. Потом, согласно данной версии, могилы польских офицеров обнаружили и раскопали в феврале-марте 1942 года военнослужащие-поляки из дислоцировавшегося в районе Катыни строительного батальона. Опять об этом поставили в известность немцев, и опять их захоронения „не заинтересовали“. Они их „заинтересовали“ только после сокрушительного разгрома гитлеровцев под Сталинградом и коренного перелома в войне. Тогда, как утверждают адвокаты Гитлера и Геббельса, немцы энергично принялись за „расследование“ и 18 февраля 1943 года произвели частичные раскопки, „обнаружив“ несколько общих могил польских офицеров. Затем они „нашли“ свидетелей из местных жителей, которые, разумеется, „подтвердили“, что поляков расстреляли весной 1940 года,

когда гитлеровцы еще только заканчивали разработку плана нападения на СССР Фашистское руководство поставило во главе „международной комиссии“ по эксгумации трупов своего профессора Герхарда Бутча и начало шумную антисоветскую кампанию. Уже 16 марта 1943 года к ним присоединилось польское эмигрантское правительство. При этом поляки даже не удосужились запросить у своего союзника СССР каких-либо разъяснений, а немедленно примкнули к пропагандистской акции Геббельса, оправдывая свое подлое поведение впечатлением от „обильной и детальной германской информации касательно обнаружения тел многих тысяч польских офицеров под Смоленском и категоричности утверждения, что они были убиты советскими властями весной 1940 года“. Тут не кретинизм „лондонских поляков“, а сознательное и заранее оговоренное их соучастие.

Для придания своим клеветническим измышлениям большей силы воздействия высокопоставленные деятели фашистской Германии даже обсуждали вопрос о приезде в Катынь главы польского эмигрантского правительства генерала Сикорского: судя по косвенным данным, он был их давним и надежным агентом. Об этом убедительно свидетельствует обмен мнениями между Гиммлером и Риббентропом по данному вопросу. В частности, Риббентроп сообщает Гиммлеру, что эта мысль представляется соблазнительной с пропагандистской точки зрения, однако „существует основная установка относительно трактовки польской проблемы, которая делает для нас невозможным любой контакт с главой польского эмигрантского правительства“. В переписке двух гитлеровских бонз изумляет их полная уверенность, что генерал Сикорский не посмеет послушаться, если его пригласят прилететь в Катынь. А „основная установка относительно трактовки польской проблемы“ была сформулирована Адольфом Гитлером в 1939 году: „У поляков должен быть только один господин — немец. Не могут и не должны существовать два господина рядом, поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни“. Согласно данным иностранного автора Д. Толанда, уже к середине осени 1939 года были ликвидированы три с половиной тысячи представителей польской интеллигенции, которых Гитлер считал „разносчиками польского национализма“. „Только таким путем, — утверждал он, — мы можем заполучить необходимую нам территорию“. Террор сопровождался безжалостным выселением более миллиона простых поляков с их земель и размещением там немцев из других частей Польши и Прибалтики. Это происходило зимой, и при переселении от холода погибло больше поляков, чем в результате казней. Кретинизм же большинства представителей польской шляхты состоял в том, что они, не сомневаясь в победе гитлеровской Германии, рассчитывали на сохранение нацистами их шляхетских привилегий. Они или не знали, или не хотели знать об „основной установке“ немцев по решению „польской проблемы“.

К слову сказать, нацисты имели к полякам и претензии „личного свойства“. Когда 1 сентября 1939 года нацистская Германия напала на Польшу, политическое и военное руководство последней тешило себя мыслью, что имеет дело только с демонстрацией немцами своей силы провокационного характера. В ответ на „провокацию“ поляки в расположенных неподалеку от польско-германской границы городах Быдгощ (Бромберг) и Шулитце вырезали все немецкое население, включая жен-шин и детей. Нюрнбергский Трибунал в качестве примеров военных преступлений против мирных жителей назвал уничтожение фашистами белорусской Хатыни, чешской Лидице, французского Орадура, но если следовать исторической правде, пальму первенства надо отдать полякам: во второй мировой войне они совершили первое тягчайшее преступление в отношении мирного населения. В советский период об этом не было принято говорить; мы считали их своими друзьями по социалистическому лагерю и

союзниками по оружию. Но сейчас, когда правители буржуазной Польши нас предали, вступили в агрессивный блок НАТО и вместе с российской „пятой колонной“ бьют нас наотмашь и клеветают на нас, мы, говоря словами Чернышевского, должны отвечать ударом на удар. По большому счету, и прежняя наша позиция была ущербной. Из-за нее мы за десятилетия дружбы так и не потребовали от поляков отчета, что они учинили в отношении 120 тысяч красноармейцев, попавших к ним в плен в 1920 году из-за полнейшей бездарности и политиканства „полководца“ Тухачевского. Они и сейчас ничего вразумительного на сей счет нам не говорят и говорить не собираются, а российское буржуазное правительство перед ними рассыпает бисер и возлагает на советский народ вину за преступление, совершенное нацистами.

И ещё о реальных, а не мнимых преступлениях, связанных с панской Польшей. Станислав Куняев, автор знаменитой книги „Поэзия, Судьба, Россия“, повествует о событиях в Едвабно, нашем пограничном городке до нападения гитлеровской Германии на СССР. „...Почти два года Едвабно была нашей пограничной заставой. Но 23 июня 1941 года немецкие войска вновь занимают Едвабно. И тут в близлежащих местечках Радзивилове, Вонеоши, Визне разгорелись еврейские погромы. Местные поляки уничтожают несколько сотен евреев, оставшиеся в живых бегут в Едвабно. Но 10 июля в Едвабно происходит тотальный погром местной еврейской общины вместе с беженцами. Умерщвлены не менее двух тысяч евреев...“ Дополняет польский историк еврейского происхождения Томаш Гросс, написавший книгу „Соседи“: „Основные факты выглядят бесспорно. В июле 1941 года большая группа живших в Едвабно поляков приняла участие в жестоком уничтожении почти всех тамошних евреев, которые, кстати сказать, составляли подавляющее большинство жителей местечка. Сначала их убивали поодиночке — палками, камнями, мучили, отрубали головы, оскверняли трупы. Потом, 10 июля, около полутора тысяч оставшихся в живых были загнаны в овин и сожжены живьем“. (Не у поляков ли гитлеровцы позаимствовали этот средневековый способ казни, когда они на оккупированной территории сжигали советских людей живьем в овинах, амбарах и домах?) После выхода в свет книги Т. Гросса националистическая шляхта была припёрта к стенке. И 21 сентября 2001 года президент Квасьневский в отсутствие местных жителей в отсутствие правых политиков и даже местного ксендза, запершегося у себя дома, покаялся в Едвабно перед мировым еврейством от имени Польши.

Теперь поляки жаждут компенсации: моральной, психологической, политической и материальной. И такой компенсацией для них должна стать русская Катынь.

Предателей и их польско-германских заказчиков подвела торопливость и неумное желание добиться объявления КПСС „антиконституционной“ организацией, закопать „коммунистическую гидру“ гораздо глубже, чем фашисты закопали под Смоленском польских офицеров. На заседании Конституционного Суда РФ 16 октября 1992 года представители ельцинской стороны, С. Шахрай и А. Макаров, заявили ходатайство о приобщении к материалам дела только что „обнаруженных“ в архивах сверхсекретных документов по катынской трагедии, указывающих, что польские офицеры были расстреляны по решению руководящих органов ВКП(б). По заявлению С. Шахрая, эти документы хранились в запечатанном конверте — пакете № 1 и передавались первыми секретарями и генсеками ЦК друг другу из рук в руки. Вся пресса, именовавшая себя демократической, захлёбываясь, писала, а телевидение вещало о сенсационных находках и о том, что личный представитель президента в лице архивиста Р. Пихои вручил Л. Валенсе эти документы 14 октября 1992 года. Поляки поблагодарили гонца Б. Ельцина, посмотрели, повертели документы и потребовали от российских властей предоставления оригиналов. До сих пор

российская сторона их „предоставляет“.

Осенью 1992 года российские СМИ гнали коричневую волну на компартию и коммунистов с тем же остервенением, что и пропаганда гитлеровцев в 1943 году, которую Геббельс поучал: „Центр тяжести нашей пропаганды в ближайшие дни и далее будет сосредоточен на двух темах: атлантический вал и большевистское гнусное убийство. Миру нужно показать на эти советские зверства путем непрерывной подачи все новых фактов. В особенности в комментариях надо показать: это те же самые большевики, о которых англичане и американцы утверждают, что они якобы изменились и поменяли свои политические убеждения. Это те же самые большевики, за которых молятся в так называемых демократиях и которых благословляют в торжественном церемониале английские епископы. Это те же самые большевики, которые уже получили от англичан абсолютные полномочия на господство и большевистское проникновение в Европу. Вообще нам нужно чаще говорить о 17–18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешить послать домой письмо и т. д., так как это действует особенно потрясаяще“. Из наставления Геббельса видно, что клевету на Советский Союз фашисты возводили для достижения двух целей. Первая из них заключалась в том, чтобы рассорить союзников по антигитлеровской коалиции, а вторая — в запугивании населения стран, находившихся в вассальной зависимости от Германии, и в более широком вовлечении его в войну против СССР на стороне фашистов. Признаем, что гитлеровцы старались не напрасно. В краткосрочном плане им удалось затянуть открытие второго фронта более чем на год, а в долгосрочном они реализовали все цели фашистской Германии, ибо в 1946 году У. Черчилль, выступая в маленьком университетском городке США — Фултоне, положил начало холодной войне между бывшими союзниками.

Очевидно, что ельцинисты, вбросив на процессе в Конституционном Суде, длившемся (с перерывами) с 26 мая по 30 ноября 1992 года, свои „подлинные документы“ не раз и не два пожалели об этом. Дать общую правовую оценку катынских „документов“ от имени коммунистической стороны было поручено автору этих строк и профессору Рудинскому Ф. М. Мы выразили сомнение в подлинности трех основных документов — записки Л. Берии от 5 марта 1940 года, выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года и записки А. Шелепина от 3 марта 1959 года на имя Хрущёва, заявив, что они должны быть подвергнуты почерковедческой экспертизе. Одним из признаков, указывающих на фальсификацию записки Берии и выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б), явилось полное совпадение дат отправки записки (5 марта 1940 года) и проведения заседания Политбюро (тоже 5 марта 1940 года). В практике работы Политбюро такого никогда не было. Разрыв во времени между датой отправки того или иного документа с предложением рассмотреть какой-то вопрос на заседании Политбюро и самим заседанием составлял не менее 5–6 дней.

Для представителей президентской стороны обвинение в фальсификации документов явилось настоящим ударом. Они старались не показывать растерянности и даже пообещали представить „подлинные архивные документы“, но, разумеется, никаких подлинников никому и никогда не предъявляли. И Конституционный Суд в своем постановлении от 30 ноября 1992 года ни словом не обмолвился о катынской трагедии и по существу реабилитировал высшее советское партийное и государственное руководство. Он косвенно признал обоснованность выводов комиссии академика Н. Н. Бурденко о том, что в числе более 135 тысяч человек, уничтоженных германскими фашистами на временно

оккупированной территории Смоленской области, были и польские офицеры, находившиеся в трех исправительно-трудовых лагерях под Катынью и использовавшиеся в период вероломного нападения Германии на Советский Союз на дорожных работах.

Но наши отечественные геббельсовцы-фальсификаторы, понукаемые польско-германской стороной, не смогли придумать ничего лучшего, как продолжить движение в том же направлении. Первоначальную фальшивку они „подкорректировали“. Выразилось это в том, что из „записки“ Берии товарищу Сталину» вытравили указание на число и цифра «5» провалилась неизвестно куда: было «5 марта 1940 года», а стало «...марта 1940 года». В таком виде «записка» попала в шестой том «Материалов дела о проверке конституционности указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР». Не знаю, кто именно в Конституционном Суде стал соучастником президентской стороны в повторной фальсификации, но, очевидно, что ельцинисты обладали такими возможностями, что могли без всяких затруднений после разоблачения заменять фальшивую ксерокопию другой такого же достоинства и ценности. Только манипуляций с пресловутой «запиской Берии» достаточно, чтобы сделать вывод, что все обвинения против советских руководителей в расстреле польских офицеров являются глобальной ложью.

«Работа над ошибками» у клеветников на рабочее государство потребовала много времени и сопровождалась отказом от многих утверждений, которые они тиражировали ранее. Особенно худо им стало после выхода в свет в 1995 году небольшой по объему, но насыщенной убийственными для них фактами книги Ю. Мухина «Катынский детектив» (М., 1995). Среди множества косвенных доказательств, свидетельствующих, что убийство польских офицеров совершено осенью 1941 года, Ю. Мухин называет три прямых доказательства:

1) Выводы судебно-медицинских экспертов, включая ряд тех, кто в 1943 году входил в комиссию немецкого профессора Г. Бутца, о том, что, исходя из степени разложения трупов, состояния их одежды и иных признаков, к моменту эксгумации их гитлеровцами убитые пролежали в земле не более года, самое большее — полтора, то есть время их убийства относится к осени 1941 года.

2) Пули и стреляные гильзы, обнаруженные в могилах погребенных, имеют калибр 7,65 мм и 6,35 мм и маркировку немецкой патронной фабрики «Геншовик», сокращенно «Геко», то есть произведены в Германии.

3) Примерно у 20 % трупов руки были связаны бумажным шпагатом, который до войны в СССР вообще не производился, но выпускался в Германии.

Значительный интерес представляет то, как гитлеровцы зимой 1943 года готовили катынскую провокацию. Делалось это с немецкой педантичностью и основательностью. Подбирались «нужные» писатели, журналисты, специалисты в области судебной медицины. Территорию Козьих Гор, бывшую до прихода оккупантов излюбленным местом гуляния жителей Смоленска, гитлеровцы сделали запретной зоной. К началу пропагандистской акции они усилили охрану; кроме поляков, служивших в вермахте, ее стали осуществлять эсэсовцы. В Катыни разместили немецкую роту пропаганды. Геббельс наставительно указывал своим подчиненным: «Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, способными действовать ловко и уверенно. Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от QPK которые уже теперь подготовили бы в Катыни поминутную

программу». Таким образом, Геббельс и не скрывал от подчиненных, что катынское дело фальшивка и потому требовал от них действовать «осмысленно».

Международный Красный Крест участия в геббельсовской провокации не принимал, несмотря на шантаж и угрозы гитлеровцев. Зато «лондонские поляки», вступив в позорный сговор с немцами, направили в Катынь Техническую комиссию Польского Красного Креста далее — ПК. — Ю. С.). Она там пробыла с 17 апреля по 9 июня 1943 года. Возглавлял ее поляк К. Скаржинский, а на завершающем этапе — его соотечественник М. Водзинский. Они составили отчеты о работе комиссии, которые хранятся в Лондоне. В своих изысканиях современные геб-бельсовцы предпочитают давать фрагменты только из отчета Скаржинского, поскольку у Водзинского им не нравится излишняя дотошность последнего, указывающего, например, что «все пулевые ранения были произведены из пистолета при использовании боеприпасов фабричной марки Гесо 7,65 D». Но и отчет Скаржинского они опасаются воспроизводить полностью. В отчете присутствуют детали и подробности, которые свидетельствуют, что полякам немцы отводили жалкую и унижительную роль статистов, призванных своим присутствием придать пропагандистскому спектаклю видимость «расследования». Характерны такие отрывки из отчета: «Вынесенные на носилках из рвов трупы укладывали в ряд и приступали к поиску документов таким образом, что каждый труп отдельно обыскивали двое рабочих в присутствии одного члена комиссии ПКК...

Члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать следующие предметы:

- а) бумажники со всем их содержимым;
- б) всевозможные бумаги, найденные россыпью;
- в) награды и памятные предметы;
- г) медальоны, крестики и пр.;
- д) погоны;
- е) кошельки;
- ж) всевозможные ценные предметы.

Таким образом, просмотренные, рассортированные и пронумерованные конверты складывались в порядке нумерации в ящики. Они оставались в исключительном распоряжении германских властей. Списки, напечатанные немцами на машинке на немецком языке, не могли быть сверены комиссией с черновиком, так как она уже не имела к ним доступа. Во время работы технической комиссии ПКК в Катынском лесу в период с 15 апреля по 7 июня 1943 года эксгумировано всего 4243 трупа, из которых 4233 изъято из семи могил, находящихся на небольшом расстоянии одна от другой и раскопанных в марте 1943 года германскими военными властями. Очень тщательно и на всей территории проведенное немцами зондирование в связи с тем, чтобы объявленная пропагандой цифра в 12 тысяч трупов не слишком расходилась с действительностью, позволяет предполагать, что больше могил уже не будет. Это зондирование территории обнаружило ряд массовых захоронений русских в различной степени разложения, вплоть до скелетов». Отчет Скаржинского примечателен не только тем, что немцы не показали полякам из Технической Комиссии ни одного документа, то есть отнесли к ним как к быдлу. В нем поляки еще как бы ненароком обмолвились, что на прозондированной немцами территории, где находились могилы польских офицеров, имелись и могилы с «массовыми захоронениями русских». Своеобразный намёк на то, что поляков расстреливал тот, кто расстреливал и русских.

А комиссия судебно-медицинских экспертов, которую возглавлял Г. Бутц, пробыла в Катыни всего два дня и, вскрыв девять трупов, заранее подготовленных гитлеровцами, 1 мая 1943 года вылетела в Берлин. Но вместо Берлина самолет приземлился на глухом уединенном аэродроме. Впоследствии болгарский доктор Марков вспоминал: «Аэродром был явно военным. Там мы обедали, и сразу после обеда нам предложили подписать экземпляры протокола. Нам предложили подписать их именно здесь, на этом изолированном аэродроме!» Помимо общего протокола, каждый член комиссии писал свое собственное заключение. Болгарин Марков в своем заключении, несмотря на давление немцев, уклонился от выводов, что польские офицеры убиты в 1940 году. В свою очередь, чехословацкий профессор Ф. Гаек, также входивший в комиссию Бутца, издал в 1945 году в Праге брошюру «Катынские доказательства», где привел беспристрастные и безупречные с научной точки зрения аргументы в подтверждение того, что польские офицеры не могли быть расстреляны ранее осени 1941 года. Что касается самого Г. Бутца, то его судьба оказалась печальной. Наши геббельсовцы стараются не вспоминать о нем, ибо им очень не хочется говорить, что в 1944 году Бутца убили сами немцы, заподозрив, что он раскроет их аферу с катынскими захоронениями.

А что стало с «вещественными доказательствами» в виде документов и разных предметов, которые немцы с помощью поляков из Технической Комиссии в апреле-июне 1943 года упаковывали в ящики? Ведь все «расследование» немцев, помимо бредовых медицинских выводов, строилось на сборе у трупов документов и утверждении, что среди них нет бумаг с дагами позднее мая 1940 года. Эти бумаги то ли в 9, то ли в 14 ящиках числом 3184 единицы перевозили на двух грузовиках всё дальше вглубь территории «рейха», все дальше от советского наступления. Когда же стало ясно, что поражение Германии неминуемо, «начальник железнодорожной станции при приближении советских войск сжег, в соответствии с распоряжением, документы», как пишет известный современный геббельсовец Ч. Мадайчик. Команда клеветников пытается сделать вид, что, дескать, ничего особенного, если подсудимый уничтожил оправдывающие его документы. А я утверждаю, что немцы сожгли эти документы именно потому, что в них содержалось доказательство их вины.

В 1990–1991 годах «историки» Н. Лебедева и Ю. Зоря, входившие в академическую часть сторонников геббельсовской версии о судьбе польских офицеров, в своих писаниях заявляли, что «...в апреле-мае 1940 года более 15 тысяч польских военнопленных — офицеров и полицейских — были вывезены из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и переданы УНКВД Смоленской и Калининской областей. Таким был их последний маршрут, конечными пунктами которого стали Катынь, Медное и 6-й квартал лесопарковой зоны Харькова». Вышибая слезу у доверчивого читателя пассажирами «о последнем маршруте», они высказывали мысль, что позволительно «...сделать вывод о возможности вынесения Особым совещанием при НКВД смертного приговора в отношении военнопленных». Вслед за «учеными-экспертами» мыслишку о расстреле поляков по решению Особого совещания при НКВД СССР подхватили и узколобые следователи из Главной военной прокуратуры СССР В Медном Тверской области летом 1991 года «эксгуматоры» из следственной бригады ГВП СССР с участием поляков перекопали все кладбище. Фактически никаких расстрелянных поляков в Медном не нашли и не могли найти, так как их никто там не расстреливал, но не преминули поставить на кладбище памятник с надписью, что здесь захоронено 6000 поляков, «расстрелянных русскими». Польский ксендз Пешковский вместе с другими поляками и следователями из

ГВП СССР занимались эксгумацией трупов под Харьковом в период с 25 июля по 7 августа 1991 года. Нашли 169 черепов и на 62 из них обнаружили следы пулевых ранений; на месте, где работали гробокопатели, хоронили уголовников и членов советской «пятой колонны». Но на основании только им известных «данных» эти поисковики определили, что на кладбище похоронено 4000 польских военнопленных из Старобельского лагеря под Харьковом.

По фильму, который фиксировал ход эксгумации, ясно, что следственная бригада не обнаружила ничего, что могло бы свидетельствовать о принадлежности трупов полякам. Однако через четыре года вдруг выясняется, что были найдены многочисленные «вещественные доказательства», о чем всему миру поведал ксендз Пешковский, успевший издать две книжки. Простодушный и одновременно лукавый ксендз в своих писаниях сообщил любопытную деталь, связанную с раскопками в Медном и под Харьковом. По его словам, основная масса предметов, названных вещественными доказательствами, найдена не в могилах, а в каких-то отдельных ямах и ямках. Выходит, что у поляков перед расстрелом отбирали табакерки, газеты, записки, перстни и, захоронив расстрелянных, потом выкапывали специальные ямы и ямки, куда и зарывали отобранные у обречённых предметы. Бедный ксендз! В его изложении очень трогательно звучит уверение, что и деревянная табакерка, и газета, и записка, пролежав в иссиня-чёрной жиже 51 год, не истлели, а сохранились так, что их можно было читать «при открытой балконной двери».

Бросается в глаза, что почерк, методы и приёмы, которыми пользовались поляки и их соучастники-следователи в 1991 году, напрямую перекликаются с почерком, методами и приемами немцев в 1943 году под Катынью. Разница лишь в том, что немцы утаивали, а потом уничтожали вещественные доказательства своей вины, в то время как поляки при содействии наших коллаборационистов фабрикуют доказательства чужой вины. Но это разница, которая придает действиям польско-российской стороны еще более гнусный характер. Полякам очень хочется, чтобы их военнопленные офицеры были объявлены жертвами русских, а не немцев. С русских можно потребовать компенсации в евровалюте, а с немцев не потребуешь.

Как мы уже упоминали, в сочинениях российско-польских геббельсовцев можно часто встретить соединенное со страхом и трепетом упоминание об Особом совещании при НКВД СССР, которому приписывают решение о расстреле польских офицеров. Наши демократы всех цветов и оттенков так запугали самих себя и других «внесудебными репрессивными органами тоталитарного режима», что, выдвигая бредовые измышления о злой роли Особого совещания в судьбе поляков, не удосужились даже заглянуть в Положение об этом органе. А в Положении говорится:

1. Предоставить Наркомвнуделу в отношении лиц, признаваемых общественно опасными, ссылатъ на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается НКВД; высылать на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах СССР: заключать в исправительно-трудовые лагеря и в изоляционные помещения при лагерях на срок до 5 лет, а также высылать за пределы СССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными.
2. Предоставить Наркомвнуделу право в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет.
3. Для осуществления указанного в п.п.1 и 2 при народном комиссаре внутренних дел под его председательством действует Особое совещание...

Таким образом, Особое совещание не имело права приговаривать кого-либо к расстрелу, а потому изобретенные нашими геббельсоеца-ми страшилки лопнули как мыльный пузырь и российско-польские клеветники в очередной раз изобличили сами себя. Надо добавить, что никаких «Особых совещаний» на уровне республик, краев, областей никогда и в помине не существовало; оно действовало только при НКВД СССР. И еще одна характерная черта Особого совещания: оно всегда контролировалось Прокурором СССР, который имел право при несогласии с его решением принести протест в Президиум ЦИК СССР, что приостанавливало исполнение решения Особого совещания. Подлость отечественных геббельсовцев состоит в том, что они постоянно прибегают к подмене понятий, к отождествлению Особого совещания при НКВД СССР с «тройками», канувшими в Лету ещё в 1938 году.

Перед фальсификаторами, сфабриковавшими следственное дело о расстреле польских офицеров войсками НКВД, на заключительном этапе возникли, на мой взгляд, две щекотливые проблемы:

1. Как устранить расхождение между утверждением гитлеровцев, объявивших в 1943 году, что в Катыни расстреляно около 12 тысяч польских офицеров, и нынешним российско-польским «расследованием», определившим, что под Медным «расстреляно» 6 тысяч поляков, под Харьковом — 4 тысячи и в Катыни — немногим более 4 тысяч человек.
2. На какой государственный орган Союза ССР возложить ответственность за решение о расстреле польских офицеров, если все попытки притянуть за уши к этому Особое совещание при НКВД оказались настолько несостоятельными, что настаивать на них могут только законченные кретины и законченные подлецы. (Впрочем, если польский президент Квасьневский доволен «расследованием» и излучает по поводу его результатов радость, то мы имеем дело и с теми, и с другими одновременно).

После ввода советских войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины в сентябре-октябре 1939 года в качестве интернированных, а после объявления эмигрантским правительством Польши в ноябре 1939-го состояния войны с СССР — в качестве военнопленных — в Советском Союзе оказалось около 10 тысяч офицеров бывшей польской армии и примерно столько же жандармов, полицейских, разведчиков, тюремных работников — всего около 20 тысяч человек (не считая рядовой и унтер-офицерский состав). К весне 1940 года они были разделены на три категории.

Первая категория — это опасные преступники, изобличенные в убийствах коммунистов на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, в диверсиях, шпионаже и других тяжких преступлениях против СССР. После ареста судебными органами СССР они осуждены — часть к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях, часть — к расстрелу. С учетом тех данных, которые вследствие разного рода обмолвок и проговоров сообщают нам российско-польские геббельсовцы, общая численность приговоренных к смертной казни составила около одной тысячи человек. Точной цифры назвать невозможно из-за того, что российские фальсификаторы уничтожили в доставшихся им архивах дела по всем преступникам-полякам, чтобы им было легче вместе с польскими соучастниками выстроить версию о расстреле польских офицеров «сталинским режимом».

Вторая категория — лица из числа польских офицеров, которые для мировой общественности должны были обозначать польских военнопленных — всего около

400 человек. Их отправили в Грязовецкий лагерь для военнопленных в Вологодской области. Большинство их в 1941 году освободили и передали генералу Андерсу, приступившему к формированию на территории СССР польской армии. Эту армию, насчитывавшую несколько дивизий, генерал Андерс, с согласия советского руководства, убедившегося, что андерсовцы не желают воевать против гитлеровцев на Восточном фронте вместе с Красной Армией, увел через Туркмению и Иран к англо-американцам в 1942 году. К слову сказать, англичане, в распоряжении которых оказались подразделения Андерса, не церемонились с заносчивыми поляками и весной 1944 года бросили их под немецкие пулеметы в гористую горловину итальянского местечка Монтекасино, где они в большом количестве и погибли.

Третью категорию составила основная часть польских армейских офицеров, жандармов и полицейских, освобождать которых нельзя было по двум причинам. Во-первых, они могли влиться в ряды Армии Крайовой, подчинявшейся польскому эмигрантскому правительству и развернувшей полупартизанские военные действия против Красной Армии и советских властных структур. Во-вторых, исходя из неминувости войны с гитлеровской Германией, в отношении чего у советского руководства не было никаких иллюзий, не исключалась нормализация отношений с польским правительством в эмиграции и последующее использование поляков для совместной борьбы против фашизма.

Мучительное и болезненное решение судьбы третьей, основной части польских военнопленных нашли в том, что они Особым совещанием при НКВД СССР были признаны общественно опасными, осуждены и заключены в исправительно-трудовые лагеря. Их отправка из Козельского, Осташского и Старобельского лагерей для военнопленных (лагеря для военнопленных и исправительно-трудовые лагеря имеют совершенно разный характер, т.к. в последних содержатся только осужденные) производилась в апреле-мае 1940 года. Осужденных поляков транспортировали в исправительно-трудовые лагеря особого назначения, размещенные западнее Смоленска, а таких было три. Поляков, содержащихся в этих лагерях, использовали на строительстве и ремонте шоссе дорог вплоть до вторжения гитлеровцев на территорию СССР. Начало войны для Советского Союза складывалось крайне неблагоприятно. Уже 16 июля 1941 года германские войска захватили Смоленск, а лагеря с польскими военнопленными-заключенными оказались у них еще раньше. В обстановке неразберихи и элементов паники эвакуировать поляков в глубь советской территории железнодорожным или автомобильным транспортом не представлялось возможным, а уходить на Восток пешком порядком вместе с немногочисленной охраной они отказались. Лишь немногие из числа польских офицеров-евреев сделали это. Кроме того, наиболее решительные и смелые из офицеров стали пробираться на Запад, благодаря чему части из них удалось уцелеть.

В руках у гитлеровцев оказалась вся картотека на поляков, которую вели в исправительно-трудовых лагерях. Это позволило им объявить в 1943 году, что число расстрелянных составляет около 12 тысяч. Используя данные картотеки, они опубликовали «Официальные материалы...» своего расследования, куда включили различные «документы» в подтверждение своей клеветнической версии расстрела польских офицеров советскими. Но, несмотря на немецкую педантичность, среди приведенных документов оказались такие, которые свидетельствовали, что их владельцы были живы по состоянию на октябрь 1941 года. Вот что, например, писал по поводу «Официальных материалов...» немцев В. Н. Прибытков, работавший директором Центрального особого архива СССР до перехода его под контроль ельцинистов: «...Решающий документ, приведенный, представляет собой свидетельство о гражданстве, выданное капитану Стефану

Альфреду Козлинскому в Варшаве 20 октября 1941 года. То есть этот документ, содержащийся в официальном немецком издании и извлеченный из катынской могилы, полностью перечеркивает версию гитлеровцев о том, что расстрелы производились весной 1940 года, и показывает, что расстрелы производились после 20 октября 1941 года, то есть немцами». Имеющиеся данные убедительно свидетельствуют, что к расстрелам поляков в Катынском лесу немцы приступили в сентябре 1941 года и к декабрю того же года акцию завершили. В материалах расследования, проводившегося комиссией академика Н. Н. Бурденко, есть доказательства и того, что немцы перед демонстрацией в 1943 году захоронений в Катынском лесу разного рода «полуофициальным» организациям и лицам вскрывали могилы и свозили в них трупы поляков, расстрелянных ими в других местах. Советские военнопленные, привлеченные к этим работам в количестве 500 человек, были уничтожены. Рядом с захоронениями расстрелянных в Катынском лесу поляков находятся массовые захоронения русских. В них, относящихся преимущественно к 1941-му и частично к 1942 году, покоится прах 25 тысяч советских военнопленных и гражданских лиц. Трудно поверить, но «академики-эксперты» и горе-следователи, страдающие синдромом смердяковщины, наплотив за 14 лет «расследования» горы бумаг, даже не упоминают об этом!

В истории с польскими военнопленными офицерами действия тогдашнего политического руководства во главе со Сталиным не выглядят юридически безупречными. Были нарушены некоторые нормы международного права, а именно соответствующие положения Гаагской 1907 года и Женевской 1929 года Конвенций об обращении с военнопленными вообще и с военнопленными офицерского состава, в частности. Не надо этого отрицать, поскольку отрицание в данном случае на руку нашим врагам, которые с помощью «катынского дела» хотят окончательно переписать историю Второй Мировой войны. Мы должны признать, что осуждение польских офицеров Особым совещанием при НКВД СССР и направление их в исправительно-трудовые лагеря с изменением их статуса с военнопленных на заключенных, если и может быть оправдано с позиций политико-экономической целесообразности, то никак не оправдывается с позиций международного права. Мы должны также признать, что направление польских офицеров в лагеря вблизи от западной границы СССР лишило нас возможности обеспечить им должную безопасность в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии. И становится понятным, почему Сталин и Берия в ноябре-декабре 1941 года не могли сказать что-то определенное генералам Сикорскому, Андерсу и польскому послу Коту о судьбе польских офицеров, захваченных в плен Красной Армией в сентябре-октябре 1939 года. Они действительно не знали, что с ними стало после оккупации гитлеровцами значительной части территории СССР. А сказать, что к моменту вторжения немцев поляки находились в исправительно-трудовых лагерях западнее Смоленска, означало международный скандал и создало бы трудности в создании антигитлеровской коалиции. Между тем, лондонское польское правительство уже в начале декабря 1941 года получило достоверную информацию о расстреле польских офицеров немцами под Катынью. Но оно не довело эту информацию до советского руководства, а глумливо продолжало «выяснять», куда делись их соотечественники-офицеры. Почему? Причина первая в том, что поляки в 1941–1942 годах и даже в 1943-м были уверены, что Гитлер одержит победу над Советским Союзом. Причина вторая, проистекающая из первой, в желании шантажировать советское руководство для последующего отказа от участия в военных действиях против немцев на советско-германском фронте.

Гейбельсовская фальсификация «катынского дела» была разоблачена в ходе расследования, проведенного в период с 5 октября 1943 года по 10 января 1944

года Чрезвычайной Государственной Комиссией под председательством академика Н.Н. Бурденко. Основные результаты работы Комиссии Н. Н. Бурденко вошли в обвинительное заключение Нюрнбергского Трибунала как «Документ СССР-48». В ходе расследования дела о польских офицерах было допрошено 95 свидетелей, проверено 17 заявлений, проведена необходимая экспертиза, осмотрено место расположения катынских могил.

В качестве косвенного доказательства своей версии все современные геббельсовцы называют тот факт, что Нюрнбергский Трибунал исключил эпизод с Катынью из числа преступлений главарей нацистской Германии. Заключение комиссии Бурденко предъявлялось как документ обвинения, который в качестве официального, согласно статье 21 Устава Международного Военного Трибунала, не требовал дополнительных доказательств. Ведь руководители фашистской Германии обвинялись не в том, что они лично кого-то застрелили или сожгли живьем в избах. Их обвиняли в проведении политики, имевшей результатом такие массовые преступления, которых не знало человечество. Обвинители и показали, что геноцид против поляков, проявившийся и под Катынью, являлся официальной политикой фашистов. Однако, судьи Нюрнбергского Трибунала, не приняв во внимание выводы комиссии Бурденко, лишь имитировали судебное следствие по расстрелу польских офицеров под Катынью. Ведь уже тлели угли холодной войны! По прошествии нескольких лет, в 1952 году американский член Нюрнбергского Трибунала Роберт Х. Джексон признал, что его позицию по Катыни определило соответствующее указание от правительства президента Г. Трумэна. В 1952 году комиссия Конгресса США сфабриковала нужную им версию катынского дела и в своем заключении рекомендовала правительству США передать дело в ООН для расследования. Однако, как сетуют польские геббельсовцы, «...Вашингтон не посчитал возможным это сделать». Почему? Да потому что вопрос о том, кто убил поляков, для американцев никогда не был секретом. И в 1952 году Вашингтон оказался в положении нынешних геббельсовцев, боявшихся нести дело в суд правительству США выгодно жевать это дело в прессе, но оно не могло допустить его судебного разбирательства. У американского правительства хватило ума не тащить фальшивки в ООН. А вот наши туповатые провинциалы, Горбачёв и Ельцин, с любой подделкой неслись в Варшаву к польским президентам. Но и этого мало: Ельцин поручил своим опричникам выложить фальшивки перед Конституционным судом РФ и вместе с ними оказался уличенным в подлоге. Итог: Конституционный суд ни словом не обмолвился о катынской трагедии, и по логике российско-польских геббельсовцев это надо трактовать как оправдательный вердикт Советском Союзу и его руководству. Нельзя не согласиться с Нобелем, сказавшим однажды: «Любая демократия очень быстро превращается в диктатуру подонков». Нынешнее расследование катынского дела двумя «большими демократиями» — российской и польской — подтверждает справедливость слов знаменитого шведа.

В данных заметках нельзя не коснуться роли немцев в так называемом «расследовании» катынских событий. Эта роль почти не видна, но явно присутствует. После поляков, а вернее, вместе с ними немцы являются наиболее заинтересованной стороной в том, чтобы ответственность за расстрел польских офицеров была возложена на Советский Союз. Они с затаенным дыханием и тихим торжеством восприняли пышущее довольством заявление Квасьневского после встречи с Путиным об окончании «расследования» и о том, что вскоре «документы» будут переданы в польский Институт национальной памяти. Германцы никому и ничего не прощают и умеют ждать своего часа. Они не простили сербам активного сопротивления гитлеровскому вторжению в

Югославию и в 1989 году вместе с американцами и англичанами остервенело и яростно бомбили югославские города и села. Они не простили и не простят нам Победы в Великой Отечественной войне и в подсознании многих из них живет испепеляющая ненависть к И. Сталину и к нам — советским людям, сломавшим хребет вермахту. Эту ненависть к нам они стараются изливать через своих агентов влияния. Одним из самых скрытых и самых ценных их агентов влияния в Советском Союзе долгие годы был Валентин Фалин. Для нас эта личность интересна, тем, что именно он стал в ЦК КПСС человеком, запустившим версию Геббельса относительно катынской трагедии. Фалин принадлежал к поколению советских людей, которые удачно родились — в самом конце двадцатых-начале тридцатых. Они были малы, чтобы оказаться на фронте, и стали достаточно взрослыми чтобы в послевоенные годы практически без конкурса легко поступать и заканчивать престижные вузы и быстро продвигаться по служебной лестнице. В 1971–1978 гг. Фалин являлся послом СССР в ФРГ, что с учетом предыдущего опыта общения с западными немцами предопределило его исключительно враждебное отношение к советскому периоду истории нашей страны. По завершении миссии посла в ФРГ Фалин назначен заместителем заведующего Отделом международной информации ЦК КПСС и стал энергично «раскручивать» в интересах немцев «катынское дело», но помешал Ю. Андропов, убравший его из ЦК. Ему пришлось некоторое время довольствоваться должностью политического обозревателя газеты «Известия». Его «звездный час» пробил в эпоху Горбачева: с 1988 года по эзгуст 1991-го он заведующий Международным отделом ЦК КПСС, а потом и секретарь ЦК. С конца 1991 года Фалин орался в ФРГ: немцы позаботились о том, чтобы на германской земле ему жилось комфортно. Сразу уточню, что не считал и не считаю Фалина каким-то заурядным шпионом: он немцам и не нужен был в таком качестве. Главное, к чему они стремились, добиться, чтобы на довоенную, военную и послевоенную историю Европы и мира и на роль Советского Союза он смотрел их глазами. Несомненно, что их большим успехом стало то, что в результате многочисленных частных бесед с Фалиным, в том числе в период его семилетнего пребывания послом в ФРГ, они сумели убедить его, что геббельсовская версия расстрела польских офицеров в Катыни верна. И это был безошибочный шаг немцев, ибо Фалин уверовал, что стал обладателем «сокровенного Знания». Как мы уже упоминали, первая его попытка запустить из ЦК КПСС клеветническую кампанию по Катыни в интересах Германии не удалась. Зато по возвращении в 1988 году в ЦК Фалин при поддержке М. Горбачёва, приступившего к демонтажу социалистического лагеря и уничтожению социализма под флагом строительства «общеевропейского дома», опять в центре «расследования» катынского дела.

Книга Фалина «Без скидок на обстоятельства» очень показательна для понимания того, как фабриковали ложь о Катыни наши геббель-совцы. Во-первых, Фалин, давно узнавший «правду» от западных немцев, сделал вывод, что расстрел польских офицеров — преступление Берии и его подручных, поскольку они транспортировались конвойными войсками из Козельска в Катынь (действительно, транспортировались, но не на расстрел, а в исправительно-трудовые лагеря). Во-вторых, Фалин признает, что на основании одних «косвенных» свидетельств добился вместе с А. Н. Яковлевым, чтобы Горбачев принес официальное извинение президенту Попыши В. Ярузельскому, и Генеральный, не без колебаний, согласился «повиниться» за мнимый расстрел офицеров, после чего последовало краткое сообщение 28 апреля 1990 года ТАСС на этот счет. В-третьих, никакого пресловутого «пакета № 1» с документами по Катыни, который якобы передавался от одного Генерального к другому, не существовало и в помине. В-четвертых, ни Горбачев, ни Яковлев с Фалиным,

принимая решение о принесении извинений Ярузельскому, даже в глаза не видели, что за документы находятся в хранившемся в архиве КГБ деле по Катыни и каково их содержание. Сермяжная правда из того, что сообщил Фалин, такова: когда глава КГБ А. Крючков со своими сотрудниками наконец-то удосужился заглянуть в катынское дело, то обнаружил документы, свидетельствующие об осуждении польских офицеров к лишению свободы. Крючков тогда схватился за голову и вынужден был доложить об «ошибке» Горбачеву, который уже на весь мир «прокукарекал» относительно вины Советского Союза. Признать, что он крупно «лопухнулся» под давлением своих соратников, Фалина и Яковлева, для Горбачёва было смерти подобно. А поляки и немцы постоянно требуют зримые документальные подтверждения того, что не существует, и Горбачёв, чтобы как-то выйти из положения, дает указание Генеральной прокуратуре СССР начать «расследование» в направлении, подтверждающем его извинения перед поляками.

Но перелопатив горы справок, следственная бригада ГВП смогла лишь констатировать: «Собранные материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД...» Никаких документов по катынскому делу, подтверждающих геббельсовскую версию, кроме многочисленных записок Фалина и тех, кого он вовлек в свою провокационную возню, обнаружить не удалось. Этим объясняется самая настоящая брехня Горбачева в его написанном в октябре 1992 года письме новому президенту Польши Л. Валенсе, где он заявляет, что конверт с надписью «не вскрывать» он открыл в самом конце своего президентского правления в декабре 1991 года, в присутствии Ельцина, и предложил ему самому распорядиться этими документами.

Информированность Ельцина о катынской трагедии была нулевой, но, увидев, что с помощью таких «документов» можно поквитаться с «проклятым советским прошлым», он дал указание их озвучить. «Пакет № 1» по катынскому делу изобрела алчная и беспринципная свора архивистов и юристов из команды Ельцина, сфальсифицировав документы. В дальнейшем, убедившись, что подлинные документы начисто опровергают геббельсовскую версию, ельцинисты принялись их подделывать. Вольно или невольно, благоприятные условия для фальсификации дела о судьбе польских офицеров создало в свое время само советское руководство. 8 послевоенной советской историографии информация на этот счет была крайне скупой. Политическая элита СССР не желала предавать гласности сведения, что накануне войны польские офицеры находились не в лагерях военнопленных, а в исправительно-трудовых лагерях. Кроме того, поляки и немцы были нашими союзниками по Варшавскому договору и братскими народами по социалистическому лагерю. Напоминать о Катыни означало напоминать о том, что поляков расстреляли немцы. Мы и не напоминали, а теперь вину за уничтожение польских офицеров взваливают на нас путем злонамеренной фальсификации.

В Польше создан и действует так называемый союз «катынских семей», имеющий свое управление, знамена, хоругви. Этот «союз» насчитывает более 800 тысяч человек и является рассадником антирусских настроений. Он не только культивирует ненависть к России, но и ставит своей целью получение с нас огромных компенсаций, наподобие той, что евреи получают с Германии за «холокост». И цели может добиться. Еще в январе 2002 года во время визита в Польшу В. Путин сказал, что «не исключает возможности распространить на поляков российский закон о жертвах политических репрессий». То есть В. Путин давно закончил «расследование» дела по польским офицерам и рассуждает только о том, какие правовые нормы приспособить для компенсационных выплат. Но какие бы схемы они ни выстраивали, все это одна бесконечная ложь, чтобы

приписать преступления Гитлера, Геббельса, фашистской Германии нам — победителям европейского фашизма.

Перелицовка истории и глобальный пересмотр итогов второй мировой войны идут полным ходом. Лет через 20–25 американцы всю информацию, связанную с их атомными бомбардировками японских городов, засекретят, и весь оболваненный мир, как и нынешняя японская молодежь, будет указывать на еще не вымерших русских, как на исчадие рода человеческого, которое хотело весь мир уничтожить с помощью ядерного оружия. Благо, помешали злобным русским славные американские парни из морской пехоты. Самая настоящая русофобия и настоящий нацизм господствуют в США, других натовских странах, странах Прибалтики. А Путин все толкует о проявлениях русского национализма. Проводит политику, при которой мы, вынесшие основную тяжесть Победы во второй мировой войне, постоянно оказываемся кому-то что-то должны и перед кем-то виноватыми. Совсем недавно в ходе визита в КНР взял и одарил китайцев исконно русскими землями площадью 340 квадратных километров. Теперь он размахнулся шире: собирается вместе с министром иностранных дел Лавровым отдать японцам два острова Курильской гряды. Несмотря на путинское «великодушие», японцы куражатся и заявляют, что заключат мирный договор (он нам нужен как пятое колесо) только после передачи им всех островов. На очереди Калининградская область, по-германски Восточная Пруссия. Это всем очевидно! Как очевидно и то, что президент плюет на Конституцию РФ, статья четвертая которой провозглашает, что Российская Федерация «...обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории».

...Гнусная фальсификация «катынского дела», осуществляемая нынешним режимом РФ, указывает на величайшую опасность, нависшую над нашей страной и нашим народом. Такие «камни» в прошлое СССР-России бросают с далеко идущими целями. К сожалению, многие из нас этой опасности в достаточной мере не сознают и продолжают верить правителям, давно нас предавшим.

Конец